

Н. А. Казарова

**Нежин и Ростов-на-Дону в судьбе и деятельности
профессора И. П. Козловского**

У статті на основі матеріалів Державного архіву Ростовської області розглядається життя і діяльність історика, викладача і директора Ніжинського Історико-філологічного інституту, а потім професора Варшавського (Донського) університету І. П. Козловського.

Ключові слова: історик, історична спадщина, краєзнавство, Варшавський (Донський) університет.

В статье на основе материалов Государственного архива Ростовской области рассматривается жизнь и деятельность историка, преподавателя и директора Нежинского Историко-филологического института, а затем профессора Варшавского (Донского) университета И. П. Козловского.

Ключевые слова: историк, историческое наследие, краеведение, Варшавский (Донской) университет.

Drawing on the material of Rostov Region's State Archive, the article analyzes the life and activity of I. P. Kozlovsky, a historian, teacher and director of Nizhyn Historical Philological Institute and later Professor of Warsaw (Don) University.

Key words: historian, historical legacy, local lore, Warsaw (Don) University.

Жизнь и деятельность профессора русской истории И. П. Козловского связана как с Нежином, так и с Ростовом-на-Дону. В начале своей научной и педагогической карьеры в 1907 г. Иван Павлович работал в должности наставника-руководителя гимназии, состоящей при Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине, а с 1908 г. читал лекции и в самом институте. В 1909 г. он был избран экстраординарным профессором Варшавского университета по кафедре русской истории и переехал в Варшаву, а в годы Первой мировой войны волей судеб оказался вместе с университетом в Ростове-на-Дону, принимал самое деятельное участие в эвакуации университета из Варшавы в Ростов. Совет университета командировал его в качестве представителя от историко-филологического факультета по надзору за приспособлением помещений в Ростове, предназначенных для занятий [1, л. 217].

Однако уже в 1915 г. встал вопрос о назначении Козловского директором Нежинского института. В 1916 г. Козловский переехал в

Нежин. Там его застала революция. В тяжёлых условиях гражданской войны он не только руководил институтом, но и всеми силами старался сохранить историческое наследие. Его усилиями в 1919 г. был организован архив и музей в Нежине [2, л. 99 об]. Но в Нежине Козловский оставался недолго. Уже в декабре 1918 г. он был вновь зачислен в Донской университет, но смог уехать из Нежина только в сентябре 1919-го, к началу нового учебного года.

В Ростов Козловский вернулся вместе с семьёй: женой, четырьмя дочерьми и внучкой. Сын находился за границей. Жили Козловские очень скромно, занимая одну комнату и угол [3]. О бедственном положении семьи свидетельствует ходатайство правления Донского университета в Отдел народного просвещения от 27 сентября 1919 г. В нём говорится, что "назначенный на должность ординарного профессора по кафедре русской истории в декабре 1918 г. И. П. Козловский лишь теперь, по занятии Нежина, мог явиться на место назначения и вошёл в Правление университета с представлением, в коем указывает на своё бедственное положение, вследствие невозможности нанять не только квартиру, но даже комнату, т. к. свободных совершенно не имеется. Приютившись временно со своей семьёй в числе 5 взрослых лиц женского пола у сослуживцев, профессор Козловский просит возбудить ходатайство перед высшим начальством о реквизиции для его семьи в Ростове или Нахичевани, хотя бы в предместьях, квартиры или даже просто комнаты, где могла бы разместиться его семья. Ввиду такого положения Правление университета имеет честь покорнейше просить Вашего ходатайства о реквизиции для профессора Козловского трёх комнат с кухней в квартире проректора Ящинского, реквизируемых у него военными властями, а если это невозможно, то в другом помещении. Ректор Митрофанов" [4, л. 82]. Отдел народного просвещения просил реквизиционную комиссию оказать всяческое содействие правлению университета в подыскании и отводе помещения для профессора Козловского [4, л. 83]. Однако просьба не была удовлетворена "ввиду приказа Донского Атамана... о воспрещении реквизиций" [4 л. 86]. Помимо тяжёлых жилищных условий, крайне недостаточными были средства существования большой семьи. Попытка директора библиотеки, профессора Е. А. Черноусова, трудоустроить дочерей Ивана Павловича практикантками в библиотеку вызвала обвинение в его адрес в насаждении семейственности [5, л. 3].

Несмотря на бедственное положение, И. П. Козловский с первых дней возвращения в Ростов включился в работу университета. 25 сентября 1919 г. Совет университета избрал его своим представителем в качестве члена комиссии студенческих общежитий [4, л. 150].

Козловский взял на себя обязанности заведования "разгромленным" нумизматическим кабинетом [6, л. 160], привёл его в порядок, заботился о приобретении книг по археологии и нумизматике [6, л. 112, 173].

В начале 1920 г. университет перешёл в ведение органов советского правительства.

Установление на Дону советской власти поставило учёного, как представителя старой профессуры, перед сложным выбором – признание новой власти и переход на марксистские позиции либо отказ от продолжения профессиональной деятельности. И. П. Козловский, как и большинство его коллег – гуманитариев Донского университета, сделал выбор в пользу советской власти: "Безоговорочно признав Советскую власть, я охотно продолжал нести службу с 1920 г. до самой отставки, а после отставки добровольно продолжал работать в архивном управлении" [7, л. 68]. Понятно, что такой выбор тяжело дался историку, так как предполагал постепенное изменение мировоззрения, переход на позиции марксизма. Марксизм тогда ещё не занимал главных позиций в русской исторической науке и вызывал скептическое или враждебно-ироническое отношение в профессорской среде.

В Ростове во всей широте проявились организаторские способности учёного, в том числе в области изучения донского края. Он принимал активное участие в создании археологического института в Ростове, педагогического института в Новочеркасске, в организации Донского архивного управления, в организации педагогического факультета Донского университета.

Своим долгом историка И. П. Козловский считал сохранение исторического наследия. Поэтому, он активно участвовал в становлении архивного дела на Дону, в подготовке кадров архивных работников. Подготовкой архивистов И. П. Козловский занимался в 1919 г. в Донском археологическом институте, а в 1920 г. он возглавил Центральный исторический архив Донской области. С 1921 г. учёный совмещал должность заведующего архивом с должностью заведующего научно-издательским отделением Донского архивного управления. Помимо общего руководства и создания методической базы для развития архивного дела, Иван Павлович принимал участие также в технической работе по архиву: составил, устроил и описал показательный архив, что было в условиях дефицита квалифицированных кадров способом подготовки архивных работников.

В 1921 г. в Ростове проходил 1-й краевой съезд музейно-архивных деятелей. Протоколы съезда отразили активную роль И. П. Козловского

в его подготовке и проведении. Учёный был избран членом бюро по подготовке съезда, присутствовал на всех его заседаниях [7, л. 152], возглавил архивную секцию съезда, составил положение о съезде [8, л. 4]. Как заведующий Центральным историческим архивом Донской области он был избран в президиум съезда [8, л. 3, 3, 4], выступил с докладами "Научное изучение архивов и задачи центральных исторических архивов" и "Археографическая экспедиция", в которых определил основные задачи развития архивного дела [9, л. 2]. Выступая с трибуны съезда, он с тревогой говорил о расхищении архивов: "Революция 1917 г. открыла двери для науки, но оставила архивы вовсе без дверей, результатом было их расхищение" [9, л. 6]; заявлял о необходимости централизации архивного дела, чтобы сохранить архивы [9, л. 65].

В июне 1925 г. по инициативе Донского областного архивного бюро и на средства только что созданного Северо-Кавказского краевого архивного бюро в Ростове открылась первая выставка архивных документов. Иван Павлович активно участвовал в подготовке и проведении выставки, видя в ней важное событие в пропаганде архивного дела, доказательство необходимости и государственной значимости архивной работы. Он считал, что основной целью выставки должно стать пробуждение в массах сознательного отношения к архивным материалам и уважительное отношение к тому, что "презрительно называется исписанной бумагой" [9, л. 65]. Донское архивное управление, возникшее в 1920 г., на первых шагах своей деятельности натолкнулось на крайне невежественное отношение к архивным документам не только со стороны рядовых граждан, но и со стороны государственных учреждений. "Везде господствовала мысль, – писал Козловский, – что исписанная бумага – вещь совершенно ненужная" [9, с. 14]. Бумажный кризис заставлял разрушать архивы, выделяя из них чистую бумагу и отправляя исписанную на фабрику для переработки. В результате множество ценных материалов не только в станицах и сёлах, но и в Новочеркасске, Нахичевани, Ростове и других городах края погибло. Это и заставило организаторов выставки выбрать себе принципом слова: "... исписанная бумага – фотография прошлого. Берегись уничтожать её, не подумавши" [10, с. 15]. Руководствуясь этим принципом, Козловский тщательно подбирал материалы для выставки из ростовского, новочеркасского и краевых архивов. Ряд документов, в том числе документы семейного архива орловских помещиков Корсак-Уложенского и Лецинского, наглядно иллюстрирующие развитие крепостного права, он приобрёл у букиниста для архива на одном из местных базаров. Расчёт делался

на то, чтоб посетители усваивали себе внимательное и бережное отношение к архивам. Путём бесед и демонстрации материалов выставки посетители получали представление о том, как старая, исписанная бумага может охранять права местности, населения, частных лиц, как она может явиться учительницей хозяйственной и общественной жизни, хранительницей приобретённых знаний и т. д. Посетителям выставки показывали указы и распоряжения правительства, из которых следовало, когда и как были утверждены те или иные права области и народонаселения; документы частных лиц, дающие им те или иные права; хозяйственные документы; проекты и планы исследований и работ; материалы статистики.

На второе место организаторы выставки поставили материалы по технике архивного дела. Здесь преследовалась цель дать некоторые практические указания провинциальным архивным работникам в деле разработки, укладки и описания архивных материалов.

Выставка была постоянно действующей. В 1926 г. Козловский много сделал для её преобразования. Благодаря его усилиям выставка пополнилась новыми интересными материалами из Новочеркасского архива. По желанию посетителей к экспонатам были присоединены документы по истории революции. Необходимость обновления выставки диктовалась большим количеством посетителей. В отдельные дни их бывало до 300 человек. Иван Павлович считал, что выставка должна стать ближе прежде всего, краеведам, "... на которых должна упасть большая часть работы по охране, учёту и изучению архивов края, для чего необходимо активное участие Крайархбюро совместно с СКБК в деле организации экскурсий на выставку по заранее разработанному плану" [10, с. 15].

Результатом многочисленных поездок И. П. Козловского по донскому краю было существенное пополнение фондов ростовского архивохранилища. На основе документов, обнаруженных учёным в архиве Черкасского станичного правления и архиве хопёрского окружного атамана, была написана статья "Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII веке" [11, с. 125–134]. Статья была посвящена беглому крепостному крестьянину Федоту Богомолу, который под именем Петра III пытался поднять восстание среди донских казаков в 1772 г. На основе рассказанных по документам эпизодов с казаками Трёхостровянской и Пятиизбянской станиц Козловский делает вывод о том, что в XVIII в. шло безостановочное брожение среди донского казачества. Причиной этого была "борьба донского казачества с централистической политикой русского правительства" [11, с. 125]. После Булавинского восстания Петру I удалось

ограничить автономию Дона. Правительство не раз предпринимало попытки выселения казаков частями в другие места. С другой стороны, постепенно превращалось в фикцию выборное начало среди казаков. Политика правительства больно задевала казачество, и только принцип "разделяй и властвуй" позволял подавлять казачьи бунты. "Правительство искусно разделяло казачьи силы: лучшие из них были в турецком походе, отдельные отряды были на Кубани, Волге и других местах, везде изолированные, рядом с регулярной армией" [11, с. 127]. Реформа Потёмкина в 1776 г. окончательно подорвала автономию Донской области: "Реформа эта, окончательно отделившая гражданскую власть от военной, прошла благополучно, но попытка нового разрежения казачьей массы на Дону, предпринятая правительством несколько лет спустя, а именно – попытка выселить донских казаков на Кубань вызвала такое упорное сопротивление, что была проведена лишь в ничтожных размерах. Во всяком случае, автономия донцов отходила в область истории уже в рассматриваемую нами эпоху" [11, с. 127]. В приложении к статье были приведены архивные документы, лёгшие в её основу. Они ярко иллюстрируют настроения казачества и меры, предпринимавшиеся властями для подавления казачьих бунтов.

Любовь к науке, к работе в архивах, к краеведению, Иван Павлович старался привить студентам. Для подготовки краеведческих работ студентами педагогического факультета Донского университета он организовывал экскурсии в Донской государственный музей искусств и древностей, в соседние города, читал популярные лекции-доклады по краеведению.

Историк В. А. Голобуцкий, поступивший в 1927 г. в Северо-Кавказский университет на социально-экономическое отделение, реорганизованное вскоре в историко-экономическое, с большой благодарностью вспоминал И. П. Козловского, у которого ему довелось учиться. "Думаю, не только я, – писал он в своих воспоминаниях, – но и многие другие из моих университетских товарищей помнят И. П. Козловского. Как сейчас вижу маленькую фигурку человека в тёмном костюме. Проф. Козловский заведовал кафедрой русской истории, читал нам курс летописей и вёл практические занятия. Проф. Козловский был человеком большого душевного обаяния. Отчески относясь к своим питомцам, он искренне хотел помочь нам в приобретении исторических знаний. Он часто приглашал студентов на заседания кафедры, обычно в тех случаях, когда отмечались историко-революционные даты, организовывал экскурсии, выступая в роли превосходного гида. С ним мы целым курсом ездили осматри-

вать исторические памятники Азова и Таганрога. Он же возил нас на археологические раскопки, прививал любовь к краеведению, руководил нашей архивной практикой, обучал палеографии, старался привить навыки научного исследования – давал темы рефератов, которые мы должны были разрабатывать на основе архивных источников. В то время Иван Павлович занимался крестьянской войной под руководством Е. Пугачева и историей древней Тамани и делился с нами своими наблюдениями" [12, с. 122].

Много сил и энергии отдавал Козловский работе в Северо-Кавказском краевом обществе археологии, истории и этнографии, объединившем научные силы для изучения донского края. После смерти в феврале 1925 г. его председателя А. И. Яцимирского он возглавил общество. По словам Б. В. Лунина, в лице Ивана Павловича общество приобрело опытного руководителя и исключительного по своей любви и преданности науке человека [13, с. 137]. Учёный не только организовывал научные заседания, на которых заслушивались и обсуждались разнообразные доклады по проблемам краеведения. Был разработан план широких краеведческих исследований, созданы секции, призванные вести научно-популярную и общественную работу. Возглавляемое Козловским общество было инициатором проведения археолого-этнографической экспедиции в дельте Дона в 1926 году, составления археологических карт отдельных районов края.

Многогранная деятельность И. П. Козловского была насильственно прервана в 1930 г., когда началось наступление на краеведческие организации.

В 1930 г. в Северо-Кавказском госуниверситете прошла чистка научных работников [14, л. 14]. В местной периодике появились статьи, в которых подчёркивалось, что, так как успехи социалистического строительства приближают к гибели капиталистический мир, то по всему фронту обострилась классовая борьба. В газете "Молот" было опубликовано заявление группы научных работников педфака СКГУ. В нём говорилось: "Мерзко и мстительно работают отбросы капиталистического мира, и, к сожалению, среди них есть и отдельные научные работники. В эти исторические дни мы, научные работники, должны ясно сказать, с кем мы: с рабочим классом или против него. На общественном смотре профессорско-преподавательского состава СКГУ [он прошёл 24 мая 1930 г. – Н. К] вскрылись отдельные случаи аполитичности, непонимания того, что должен представлять собой советский учёный как учёный-общественник, появился похороненный Октябрьской революцией лозунг "наука вне политики". На фоне того, что Северо-Кавказский университет находился в центре южной

контрреволюции, причём часть профессорско-преподавательского персонала была связана с белым правительством, появился особый тип маскирующих свои политические взгляды. Реформа высшей школы, как основа борьбы за кадры, за пролетаризацию высшей школы встретила в нашей среде противников. Самая неприкрытая религиозность и мистические настроения владеют умами некоторых наших учёных (профессор Козловский, профессор Мордухай-Болтовской), учёных, которые должны воспитывать новые кадры в коммунистическом духе. Отсутствует у многих марксистско-ленинская подготовка. Группа научных работников педагогического факультета СКГУ решительно отмежевывается от реакционной и не определившейся в политическом отношении части научных работников, от нежелающих признать и исправить свои политические ошибки" [15].

1 октября 1930 г. И. П. Козловский был отстранён от научно-преподавательской работы, но продолжал работать в архивном управлении до 4 февраля 1931 г. [15, л. 172]. Позже в показаниях на допросе 8 мая 1931 г. он назовёт причинами своего снятия с работы недостаток марксистского направления в научной деятельности и религиозность [15, л. 172].

В феврале 1931 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности была арестована группа историков и археологов, членов Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. И. П. Козловский был одним из членов-учредителей общества [16, с. 3], а в 1925–1926 гг. его председателем. Поскольку он получал евразийскую литературу, переписывался с П. Н. Савицким, его обвинили в связях с представителями заграничного белоэмигрантского центра евразийства.

Профессору ставились в вину также близкие отношения с академиком С. Ф. Платоновым, который фигурировал к тому времени как руководитель ликвидированной в Ленинграде контрреволюционной организации. Учёный категорически утверждал, что ни о какой контрреволюционной организации, возглавляемой Платоновым, ему не было известно.

Решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 8 сентября 1931 г. по ст. 58 п. 10 УК РСФСР И. П. Козловский был лишён права проживания в 12 населенных пунктах с прикреплением к определённому месту жительства сроком на 3 года [7, л. 376]. По всей видимости, он был выслан на Урал, а позже перебрался в Казахстан. Там, в городе Уральске, как нам удалось выяснить, он преподавал в педагогическом институте [17]. Свидетельством научной и педагогической деятельности И. П. Козловского в Уральске является отчёт о

работе Уральского педагогического института, помещённый в "Историческом журнале" в 1943 г. [18, с. 108].

В нём, в частности, есть сведения о том, что в Уральске Козловский издал работу "Источниковедение истории народов СССР". Это был курс лекций, который автор читал на протяжении всей своей преподавательской деятельности с 1909 г. и безуспешно пытался издать в 1920-е гг. в Ростове-на-Дону [2, л. 100].

На самом деле книга, полностью подготовленная к изданию, так и не вышла в свет. Видимо, не надеясь дожиться до её публикации, Иван Павлович отослал рукопись в Москву в Государственную историческую библиотеку, где она хранится в отделе рукописей и редких книг [19]. Там же находится и письмо И. П. Козловского в библиотеку, в котором он писал: "Прошу принять от меня в дар мою работу "Источниковедение истории народов СССР", предназначенную главным образом для молодых научных работников. И. Козловский, профессор Уральского пед. института, доктор русской истории. 12 декабря 1940 года" [19, с. 3]. В предисловии к работе дано пояснение: "Настоящая книга представляет собой текст лекций, читанных автором в 1909–1940 гг. в высших учебных заведениях Варшавы, Нежина, Ростова-на-Дону, Челябинска и Уральска" [19, с. 4]. Таким образом, подводя итог своей научной и педагогической деятельности, Иван Павлович указывал Нежин и Ростов-на-Дону в качестве ее важнейших этапов.

Література

1. Государственный Архив Ростовской области (далее – ГАРО), ф. 527. оп. 1. д. 1.
2. Там же, ф. 2605, оп. 1, д. 78.
3. Там же, ф. Р-46, оп. 1, д. 463.
4. Там же, ф. 493, оп. 1, д. 118.
5. Там же, ф. Р-46, оп. 3, д. 368.
6. Там же, ф. 527, оп. 1, д. 217.
7. Архив УФСБ РФ по Ростовской области. Д. П-41135.
8. ГАРО, р-62, оп. 1, д. 3.
9. Там же, д. 6.
10. Козловский И. П. Архивная выставка 1925–1926 г. в Ростове / И. П. Козловский // Бюл. Бюро краеведения. – 1926. – № 3–4. – С. 15.
11. Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1926. – Т. 10. – С. 125–134.
12. Голобуцкий В. А. Страницы из моих воспоминаний / В. А. Голобуцкий // История СССР. – 1966. – № 3.

13. Лунин Б. В. Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии / Б. В. Лунин // Дон. временник. – Год 2011-й.
14. ГАРО, ф. Р-46, оп. 1. д. 392.
15. Заявление группы научных работников педфака СКГУ// Молот. – 1930. – 28 мая.
16. Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. – Кн. 1. (т. III, вып. 2.). – Ростов-на-Дону, 1927.
17. Государственный архив Западно-Казахстанской области, ф. 580, оп. 1, д. 156, св. 17.
18. Полянский Ф. Уральский педагогический институт. Работа кафедры истории / Ф. Полянский // Исторический журнал. – 1943. – № 7.
19. Козловский И. П. Источниковедение народов СССР : курс лекций, читаемых авт. в 1909–1940 гг. / И. П. Козловский. – Уральск, 1940. – Рукопись.